

ДМИТРИЙ ЩЕПИЛОВ

МОДЕЛЬ

НАБЛЮДАЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ТОТ, У КОГО НЕ БЫЛО ИМЕНИ

Дмитрий Щепилов

**Модель наблюдаемой реальности.
Тот, у кого не было имени**

«Автор»

2026

Щепилов Д. М.

Модель наблюдаемой реальности. Тот, у кого не было имени /
Д. М. Щепилов — «Автор», 2026

Комплекс «Локус» не существует ни на одной карте. Здесь нет имён, нет окон и почти не осталось времени. Есть лишь правила, за которыми нельзя переставать следить. Но даже самые строгие системы иногда начинают давать сбой. И тогда главный вопрос становится не в том, что происходит внутри комплекса, а в том, можно ли доверять собственному восприятию происходящего.

© Щепилов Д. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Модель наблюдаемой реальности. Тот, у кого не было имени

Глава 1

Вторник.

Никто не называет ни дату, ни год, здесь вообще не принято говорить о времени так, как говорят о нём снаружи. В комплексе «Локус» оно существует по собственным законам, лишённым привычной последовательности и любых ориентиров. Нет календарей на стенах, нет праздников, и нет даже случайных разговоров о числах или месяцах. В какой-то момент начинает казаться, что время здесь не движется вперёд, а медленно оседает слоями, смешивая воспоминания, дни и события в одно бесконечно тянущееся состояние. Я давно перестал понимать, сколько именно нахожусь здесь.

Сначала исчезают мелочи: названия улиц, лица знакомых, голоса. Потом, вещи важнее. Я уже не помню даже дату собственного рождения.

По внутренним ощущениям я провёл в «Локусе» несколько лет, ни разу не покидая пределы комплекса.

Здесь от человека требуется только выполнять свою функцию и не задавать вопросов, на которые всё равно никто не ответит.

Я хорошо помню день, когда впервые увидел объявление о работе. Тогда эта формулировка показалась мне почти смешной: «ремесло отшельника». Сейчас я понимаю, насколько точно она описывала то, что ожидало меня внутри комплекса. В этих словах было что-то успокаивающее, и почти притягательное.

В тот момент предложение показалось мне не работой, а убежищем. Местом, где можно наконец исчезнуть, не умирая по-настоящему.

Работа действительно оказалась простой, по крайней мере, настолько простой, насколько вообще может быть работа в месте, существование которого официально почти никто не признаёт. От меня не требовали ничего сверхъестественного: выполнять инструкции, следить за всем и всеми в моем корпусе, фиксировать изменения в отчётах и не задавать лишних вопросов.

Платили исправно. Более того, если судить по тем цифрам, которые мне иногда попадались в финансовых отчётах, платили действительно щедро. Настолько щедро, что в другой жизни подобная сумма наверняка изменила бы моё положение полностью. Возможно, раньше я бы испытал радость или хотя бы удовлетворение при мысли о таких деньгах, но здесь они быстро потеряли всякий смысл. В пределах комплекса их просто негде было тратить. Всё необходимое предоставлялось автоматически: жильё, питание, одежда, медицинское обслуживание и даже предметы повседневного пользования периодически появлялись в комнате без каких-либо просьб с моей стороны.

Иногда, особенно в те часы, когда тишина становилась почти давящей, я начинал думать о людях, оставшихся снаружи. О семье, о тех немногих знакомых, которых когда-то считал близкими. Перед тем как устроиться сюда, я сильно поссорился с родными. Однако сами слова постепенно стерлись из памяти. Теперь от того вечера остался только эмоциональный след, тяжёлый и размытый, как старая запись с повреждённой плёнки.

Потом ушли слова.

Теперь даже лица начинают терять чёткость.

Меня пугает не столько сам факт забывания, сколько то, насколько естественным этот процесс начал казаться.

Ирония заключалась в том, что сам «Локус» был огромен. Настолько огромен, что некоторые сотрудники, по слухам, годами работали в одном секторе и ни разу не бывали в других частях комплекса. Масштабы этого места скорее напоминали подземный город, чем исследовательский объект. Однако, несмотря на размеры комплекса, ощущение тесноты не исчезало ни на минуту.

Я часто задавался вопросом, изменилось ли что-нибудь во внешнем мире за то время, пока я находился здесь? Продолжают ли люди жить так же, как раньше? Появились ли новые улицы? Исчезли ли старые здания? Постарели ли те, кого я когда-то знал? Похоже, мир наверху продолжает двигаться вперёд без малейшего внимания к моему отсутствию. В другие моменты возникало противоположное ощущение, что это не я оказался отрезан от мира, а сам мир медленно перестал существовать для меня.

Эти мысли резко оборвал звук в наушнике.

Сигнал прозвучал коротко, резко и неприятно, с той точной частотой, которая не столько привлекала внимание, сколько буквально врезалась в слух. В первые дни работы он раздражал меня. После каждого такого сигнала оставалось ощущение напряжения где-то глубоко внутри головы, как если бы звук был специально рассчитан так, чтобы человек не мог проигнорировать его ни при каких обстоятельствах.

Со временем я привык.

Организм адаптировался, как адаптируется ко всему остальному в «Локусе». Однако привычка не сделала этот звук менее неприятным. Она лишь научила меня не вздрагивать сразу и не тянуться к рации в ту же секунду.

Над одним из передатчиков вспыхнул красный индикатор. Тусклый свет сразу привлёк внимание, нарушив привычную неподвижность комнаты. Лампочка мигала ровно и размеренно, без спешки, с механической точностью, которая раздражала меня даже сильнее, чем сам сигнал в наушнике. Этого было достаточно, чтобы понять, кто-то из детей снова пытается выйти на связь.

Я смотрел на мигающий огонёк дольше, чем следовало. В полумраке операторской он казался почти единственным живым движением среди серых панелей, мониторов и неподвижных теней, скопившихся по углам помещения. Красный свет вспыхивал, исчезал и загорался снова через одинаковые промежутки времени, продолжая настойчиво напоминать о себе. За несколько лет работы я успел выучить этот ритм слишком хорошо.

Это происходило далеко не впервые.

И всё же каждый раз, прежде чем нажать кнопку приёма, я на несколько секунд задерживался. Эта пауза давно стала привычкой, происхождение которой я и сам не до конца понимал.

Пока я размышлял об этом, сигнал в наушнике прозвучал снова.

На этот раз звук оказался заметно громче и резче. Он ударил по слуху с такой неприятной точностью, что я невольно поморщился. Возникло ощущение, что система действительно умеет проявлять нетерпение, хотя я прекрасно понимал абсурдность подобных мыслей. Здесь всё работало автоматически. И всё же после долгого пребывания в комплексе начинало казаться, что некоторые механизмы обладают собственным характером.

Я всё ещё не нажимал кнопку приёма сигнала, хотя прекрасно понимал, что всё равно сделаю это.

Рано или поздно. Через несколько секунд или через минуту. Исход оставался неизменным.

С заметной неохотой я потянулся к панели и нажал кнопку связи. В динамиках раздался короткий щелчок подключения.

— Слушаю, — произнёс я ровным голосом, стараясь убрать из интонации усталость и раздражение.

Получилось неидеально.

Это был далеко не первый вызов за сегодняшний день, и внутреннее ощущение подсказывало, что не последний. Система существовала по собственным законам, к которым дети, похоже, привыкали намного быстрее, чем сотрудники. Для них постоянная связь с операторами уже давно стала частью повседневности. Они вызывали нас по любому поводу: из-за еды, бессонницы, сломанной лампы, странного шума в вентиляции или просто потому, что им становилось скучно.

Иногда мне казалось, что одиночество переносится ими хуже, чем всё остальное.

В наушниках слышались лёгкие помехи, за которыми почти сразу раздался детский голос. Слишком живой для этого места. На фоне стерильной тишины комплекса такие голоса всегда воспринимались странно. Они плохо сочетались с холодными металлическими стенами, белым светом ламп и бесконечными техническими помещениями. Каждый раз возникало ощущение, что человеческое присутствие здесь вообще не должно существовать, особенно детское.

— Я хочу есть.

Фраза прозвучала протяжно и недовольно. В голосе не было страха или робости. Скорее раздражение человека, чью просьбу почему-то до сих пор не выполнили. Пятнадцатый уже не впервые связывался со мной после отбоя, и обычно все разговоры с ним заканчивались одинаково.

Я устало провёл рукой по лицу и нарочито громко вздохнул прямо в микрофон, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Ужин был час назад, — ответил я, специально растягивая слова. — Потерпи до утра, Пятнадцатый.

Несколько секунд в наушниках сохранялась тишина. Я знал, что сейчас последует либо очередная жалоба, либо попытка начать бессмысленный разговор, который затянется на несколько минут. Дети специально искали повод выйти на связь, лишь бы услышать чей-то голос по ту сторону канала.

Желания участвовать в этом у меня не было. Не дожидаясь ответа, я отключил связь.

Щелчок оборвал разговор на полуслове, и операторская снова погрузилась в привычную тишину. Только красный индикатор ещё несколько секунд продолжал медленно мигать на панели, прежде чем окончательно погаснуть.

Несколько секунд я продолжал сидеть неподвижно, глядя на панель перед собой.

Красный индикатор уже погас, связь оборвалась, а операторская снова вернулась к привычной тишине, наполненной едва слышным гулом вентиляции и монотонным шумом работающего оборудования. Всё выглядело так, как обычно.

Ничего не изменилось.

И всё же внутри осталось какое-то неприятное ощущение, слабое, но навязчивое, не позволяющее окончательно переключиться обратно на рутинное наблюдение за экранами.

Почему я назвал его Пятнадцатым?

Я не знал его имени. Если говорить честно, я никогда его и не знал, ни его, ни остальных. Для меня они всегда существовали только как обозначения в системе: Третий, Девятый, Пятнадцатый, Двадцать Первый. Сухие цифровые идентификаторы, присвоенные доктором *Элизой Марроу* каждому ребёнку сразу после поступления в комплекс.

Когда я только начал работать здесь, это вызывало у меня почти физическое отторжение. Тогда всё происходящее казалось неправильным на каком-то базовом, человеческом уровне. Сам запрет на имена воспринимался как намеренное лишение чего-то важного. Имя всегда было чем-то большим, чем просто способом обращения.

Здесь же от этого отказались полностью.

Я хорошо помню свой первый разговор с одним из сотрудников о детских секторах. Тогда я машинально спросил, как зовут одного из детей, изображение которого увидел на мониторе.

В ответ на меня посмотрели с лёгким недоумением, после чего спокойно объяснили, что имена в комплексе не используются.

Только номера.

Без исключений.

Однако со временем внутреннее сопротивление исчезло.

Сначала я продолжал мысленно придумывать детям имена, просто чтобы не обращаться к ним внутри собственной головы по номерам. Потом начал замечать, что делаю это всё реже. Теперь я уже не чувствовал ничего, произнося их вслух. Человек действительно способен привыкнуть ко всему. Даже к вещам, которые изначально кажутся абсолютно недопустимыми.

Это пугало меня сильнее всего.

Я пытался убедить себя, что подобная система не причиняет детям никакого реального вреда. И, если смотреть объективно, доказательств обратного у меня действительно не было. За всё время работы я не видел, чтобы кто-то из них страдал в том смысле, в каком я представлял это в первые дни пребывания здесь. Их не держали в темноте, не запирали в пустых комнатах, не морили голодом и не обращались с ними жестоко, по крайней мере открыто. У детей было всё необходимое. Даже больше, чем необходимо.

Игрушки, обучающие программы, книги, игровые комнаты, медицинское наблюдение, постоянное внимание персонала. Некоторые сектора выглядели настолько комфортно, что временами напоминали дорогие частные учреждения, а не часть засекреченного подземного комплекса.

Наблюдая за ними через мониторы, я ловил себя на странной мысли: возможно, эти дети живут лучше, чем большинство обычных детей наверху.

У них было питание по расписанию, безопасность, отсутствие внешнего мира со всеми его проблемами, насилием и хаосом. Они росли в стерильной, идеально контролируемой среде, где за каждым их шагом следили десятки специалистов.

Ирония заключалась в том, что единственным человеком, к которому здесь действительно относились равнодушно, оказался именно я. У детей были психологи, врачи, кураторы, исследователи и воспитатели. У каждого из них существовала своя функция, свои наблюдатели, свои отчёты и оценки состояния. Они представляли ценность для комплекса.

Я же большую часть времени оставался один в операторской среди бесконечных мониторов, серого света и оборудования, шум которого давно слился для меня в единый фон. Моим главным развлечением был старый телевизор с тремя каналами, содержание которых я уже знал почти наизусть. Иногда мне казалось, что даже автоматическая система комплекса проявляет к детям больше внимания, чем к персоналу нижних уровней.

Впрочем, жаловаться я не имел права. По крайней мере, именно это я постоянно повторял себе. У меня была работа и всё то, чего я когда-то хотел получить, сбегая от внешнего мира. Логично было бы чувствовать удовлетворение, или хотя бы спокойствие. Но внутри продолжало оставаться ощущение, которое никак не удавалось заглушить окончательно.

Я слишком многого не понимал.

Мысль возвращалась особенно настойчиво, обычно в моменты тишины, когда ничто не отвлекало сознание от собственных вопросов. Тогда я начинал думать о самой сути своей работы.

Для чего именно я наблюдаю за этими детьми?

Официальные объяснения всегда звучали расплывчато. Контроль состояния, или например, поддержание безопасности, или еще фиксация отклонений поведения. Однако, чем дольше я находился в комплексе, тем сильнее ощущал, что за всеми этими формулировками скрывается что-то, о чём мне просто не положено знать.

Я замечал в отчётах фразы, смысл которых не мог понять. Видел, как определённые записи исчезали из системы спустя несколько часов после появления. Некоторые сектора ком-

плекса вообще отсутствовали на схемах доступа моего уровня. А главное, никто никогда ничего не объяснял напрямую.

В «Локусе» вопросы просто постепенно переставали возникать со временем. Ловил себя на этих мыслях уже не впервые, и каждый раз реакция оставалась одинаковой.

Я старательно пытался убедить себя, что всё происходящее нормально. Что комплекс существует по строгим правилам, смысл которых просто недоступен сотрудникам вроде меня. Что система работает именно так, как должна работать. Что если бы происходило нечто действительно неправильное, кто-нибудь наверху давно бы это остановил.

Эти объяснения звучали логично ровно до того момента, пока я не оставался один в тишине операторской. Тогда становилось ясно, что я не верю ни единому слову из того, что повторяю самому себе. И хуже всего было то, что с каждым днём я всё меньше понимал, чего именно боюсь на самом деле: правды о комплексе или момента, когда окончательно перестану задавать себе эти вопросы. Мысль о наблюдении неизбежно возвращала меня к одному и тому же человеку.

Точнее к одной девочке.

Несмотря на то, что в комплексе одновременно содержалось около трех десятков детей, доктор Элиза Марроу почти сразу дала мне отдельное указание уделять особое внимание объекту номер *восемь*. Формулировка тогда прозвучала предельно спокойно, однако сама интонация ясно давала понять: речь идёт не о простой рекомендации. За Восьмой требовалось наблюдать внимательнее остальных. Фиксировать любые изменения поведения. Любые необычные реакции, даже если они кажутся незначительными. Информация тут распределялась дозированно, строго по уровням допуска, и если человеку что-то не сообщали напрямую, значит, он не должен был этого знать. И всё же интерес к Восьмой появился у меня почти сразу.

На вид ей было не больше четырнадцати лет. Худощавая, бледная, с тёмными волосами чуть ниже плеч и удивительно спокойным лицом, на котором почти никогда не отражались эмоции. Среди остальных детей она выделялась не внешностью или поведением в привычном смысле этого слова. Дело было в чём-то другом, в ощущении, которое возникало каждый раз, когда изображение с её камеры появлялось на мониторе.

Она не шла на контакт.

Сначала это казалось обычной замкнутостью. Некоторые дети действительно вели себя настороженно в первые недели после поступления в комплекс. Кто-то молчал, кто-то избегал разговоров, кто-то реагировал агрессивно на попытки общения. Однако со временем почти все начинали привыкать к системе. Они отвечали на вопросы, разговаривали с операторами, просили что-то через канал связи или хотя бы реагировали на голос в наушниках.

Восьмая оставалась другой.

Когда я обращался к ней через систему связи, она либо не отвечала вовсе, либо делала это с большой задержкой и только в тех случаях, когда игнорировать запрос становилось невозможно. Бывали моменты и более странные. Восьмая сидела в своей комнате в полной тишине, глядя куда-то в сторону стены или пустого угла помещения. При этом выражение её лица оставалось абсолютно спокойным, без признаков страха, тревоги или задумчивости. Просто неподвижное наблюдение за чем-то, чего я не мог видеть через камеры.

В такие моменты мне становилось не по себе.

Не из-за её поведения самого по себе, а из-за ощущения, которое оно вызывало. Возникало чувство, что её внимание направлено куда-то за пределы самого комплекса. Рациональная часть сознания пыталась найти объяснение.

Подростковая замкнутость.

Психологическая травма.

Расстройство адаптации.

Всё это звучало логично и вполне укладывалось в рамки того, чем, вероятно, занимался «Локус». Но эти объяснения переставали работать слишком быстро. В ней было что-то неуловимо неправильное.

Я наблюдал за Восьмой с самого первого дня своей работы и постепенно начал замечать детали, которые становились всё более тревожными именно из-за своей незначительности. Она почти никогда не проявляла спонтанных эмоций. Редко пользовалась предоставленными ей развлечениями. Практически не взаимодействовала с другими детьми, даже когда их временно собирали в общих зонах. Иногда казалось, что она вообще не испытывает потребности в общении.

Однако дело было не только в этом.

Я ловил себя на странном ощущении, что Восьмая знает о наблюдении гораздо больше, чем должна. Несколько раз происходили моменты, которые я до сих пор не мог объяснить самому себе. Я переключал камеры на её сектор, и почти сразу она поднимала взгляд прямо в объектив. Точно и спокойно, словно заранее знала, что за ней наблюдают именно в этот момент.

Первое время я пытался убедить себя, что это совпадение, потом перестал. Был и другой случай, который особенно прочно засел у меня в памяти.

Однажды ночью изображение с её камеры зависло на несколько секунд. Такое происходило редко, но всё же случалось из-за перебоев в системе. Когда сигнал восстановился, Восьмая уже стояла прямо под камерой и молча смотрела прямо в объектив. Я до сих пор помню неприятное ощущение, возникшее тогда где-то глубоко внутри. Не страх в привычном понимании, а что-то ближе к внезапному осознанию, что объект наблюдения в какой-то момент начинает наблюдать в ответ. С тех пор мне всё труднее было воспринимать её как обычного ребёнка.

Нет, внешне она оставалась именно ребёнком. Говорила мало, двигалась спокойно, выглядела хрупкой и даже уставшей большую часть времени. Однако за всем этим ощущалось что-то ещё, не укладывающееся в привычные категории. Я всё чаще ловил себя на мысли, что проблема не в её характере. Это не просто странный ребёнок. Это что-то, чему я пока не могу подобрать точное определение. От этих размышлений меня отвлек взгляд на часы в нижнем углу монитора. Подошло время планового тестирования.

Система автоматически вывела соответствующее уведомление, а следом открылся список активных объектов. Согласно протоколу, я должен был выбрать одного из детей для стандартной проверки состояния. Обычно выбор оставался за оператором, если сверху не поступало отдельных распоряжений.

Сегодня выбор пал на Двадцать Шестого. Это решение не было случайным. Уже вторые сутки подряд система фиксировала у него отсутствие сна. Сначала показатели отклонялись незначительно: короткие периоды отдыха, повышенная активность в ночные часы, нестабильный пульс. Однако затем ситуация начала ухудшаться. Медицинские датчики показывали устойчивое бодрствование, а записи с камер подтверждали, что ребёнок действительно почти не спит. Я просмотрел последние отчёты ещё раз. На некоторых кадрах Двадцать Шестой просто сидел на кровати в темноте, неподвижно глядя перед собой. В других случаях он медленно ходил по комнате без какой-либо цели. Иногда что-то тихо говорил, хотя микрофоны не могли разобрать слов. Именно по этой причине мне прислали отдельный набор вопросов. Файл появился в системе около часа назад и был помечен как «особый протокол наблюдения». Такие пометки встречались редко. За всё время работы я видел их всего несколько раз, и каждый раз после этого в комплексе начиналось какое-то движение наверху: дополнительные проверки, визиты сотрудников из закрытых секторов, изменения расписаний или внезапные ограничения доступа.

Это означало только одно. Кто-то наверху начал обращать внимание на Двадцать Шестого.

Я активировал голосовой передатчик и вывел изображение Двадцать Шестого на основной экран. Монитор коротко мигнул, после чего камера в его комнате передала привычную картину, которую я успел выучить почти до мелочей. Небольшое помещение с серыми стенами, слишком чистыми для места, в котором постоянно живёт человек, аккуратно заправленная кровать у стены, узкий металлический стол, полка с несколькими книгами и пластиковыми моделями, расставленными с какой-то болезненной точностью, холодный свет потолочной лампы, делавший комнату ещё более безжизненной. И сам Двадцать Шестой. Он сидел на краю кровати с идеально прямой спиной, положив руки на колени. Он выглядел слишком собранным, слишком спокойным. Это и настораживало больше всего.

За двое суток без сна дети обычно становились раздражительными, рассеянными или хотя бы утомлёнными. Организм неизбежно начинал сдавать: движения замедлялись, взгляд терял фокус, речь путалась. Я уже видел подобное раньше, и медицинские протоколы комплекса подробно описывали подобные состояния. С Двадцать Шестым всё было иначе. Да, под глазами у него появились заметные тени, а кожа стала ещё бледнее обычного, однако в остальном он выглядел пугающе собранным. На лице сохранялось спокойное выражение, совершенно не соответствующее состоянию человека, который не спал почти двое суток. Я смотрю на него слишком внимательно.

— Двадцать Шестой, как твоё настроение? — спросил я, одновременно наблюдая за реакцией на мониторе.

Он поднял взгляд почти сразу. Возникло ощущение, что он уже сидел в ожидании обращения и просто ждал момента, когда в динамиках раздастся голос оператора. Эта мысль вызвала лёгкое внутреннее раздражение, хотя я и сам не смог бы объяснить почему.

— Всё хорошо, — ответил он без малейшей паузы. — Что, будете ругать меня из-за того, что я не сплю?

В его голосе не было попытки оправдаться или хотя бы детского беспокойства перед разговором со взрослым. Он говорил спокойно и ровно, почти с сухим любопытством, как человек, задающий формальный вопрос исключительно ради поддержания разговора.

Я невольно задержал взгляд на его лице, пытаясь уловить хоть что-то, напряжение, раздражение, скрытую тревогу. Но выражение Двадцать Шестого оставалось почти неподвижным. Не пустым, нет. Скорее слишком контролируемым.

— Нет, — ответил я после короткой паузы. — Этим будут заниматься доктора. Моя задача — следить за тем, чтобы ты находился в стабильном состоянии.

Фраза прозвучала сухо и официально. Настолько официально, что я почти сразу ощутил внутреннее раздражение уже по отношению к самому себе. За годы работы подобные ответы стали автоматическими. Комплекс постепенно приучал говорить определёнными формулировками, короткими и безличными, словно оператор тоже являлся частью системы.

Только произнеся эти слова, я вдруг подумал, насколько бессмысленно они должны звучать для ребёнка.

«Стабильное состояние».

Даже взрослому человеку такая фраза вряд ли объяснила бы хоть что-нибудь. Однако Двадцать Шестой не задал уточняющих вопросов. Он вообще никак не отреагировал. На секунду мне показалось, что он давно привык слышать подобные вещи.

Я отвёл взгляд от экрана и посмотрел на файл тестирования, открытый системой. В верхней части документа мигала пометка особого протокола. Ниже шёл длинный список вопросов, часть которых выглядела настолько абсурдно, что я до сих пор не понимал, что именно пытаются выявить подобными проверками.

Некоторые пункты больше напоминали фразы из бессвязного сна, чем реальные психологические тесты.

Я сделал короткую паузу, затем снова включил микрофон.

— Давай не будем затягивать, — произнёс я спокойнее. — Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим.

Двадцать Шестой слегка кивнул, не отводя взгляда от камеры.

Это тоже выглядело странно.

Большинство детей редко смотрели прямо в объектив во время разговоров. Обычно они отвлекались, опускали глаза или начинали разглядывать комнату вокруг себя. Постоянное наблюдение всё равно вызывало у них дискомфорт, даже если они старались этого не показывать.

Двадцать Шестой смотрел прямо в камеру почти всё время. Просто спокойно и внимательно, как человек, давно привыкший к присутствию чужого взгляда.

Я опустил глаза к тексту на мониторе. Первый вопрос.

Несколько секунд я просто смотрел на строчку, испытывая знакомое ощущение внутреннего сопротивления. Даже спустя месяцы работы некоторые задания комплекса продолжали казаться мне бессмысленными.

Или слишком странными.

— Какого цвета твой любимый день недели?

Я всё же произнёс вопрос вслух и почти сразу почувствовал себя нелепо.

На несколько секунд в комнате Двадцать Шестого воцарилась тишина. Мальчик слегка нахмурился, впервые за весь разговор проявив хоть какую-то живую эмоцию. Не раздражение и не страх — скорее попытку понять, что именно от него сейчас требуется.

— День недели... — медленно повторил он.

Его взгляд на мгновение сместился в сторону, словно он действительно пытался найти правильный ответ, а не просто придумать что-то наугад.

Я молча ждал.

— Ну... давайте синий, — наконец произнёс он.

Ответ прозвучал неуверенно. Не как осознанный выбор, а как попытка соответствовать странным правилам игры, смысл которой ему самому был непонятен. На секунду он даже посмотрел чуть внимательнее, словно ожидал реакции или подтверждения, что сказал именно то, что должен был сказать.

Я автоматически занёс ответ в систему.

Синий.

Рядом с пунктом сразу загорелась зелёная отметка принятого ответа, и от этого мне стало ещё неудобнее.

Комплекс явно ожидал, что дети смогут отвечать на подобные вопросы.

И, что хуже всего, система вела себя так, словно в этих ответах действительно был какой-то смысл.

Я отметил его ответ в отчёте почти машинально.

Пальцы привычно скользнули по клавишам, заноса данные в систему, а рядом с пунктом снова вспыхнула зелёная отметка подтверждения. Комплекс принимал информацию без задержек, спокойно и безэмоционально, как всегда. Иногда мне казалось, что именно система здесь является единственным по-настоящему внимательным слушателем. Она фиксировала всё: слова, паузы между ответами, изменения интонации, длительность молчания, частоту дыхания и движения глаз. Ничто не исчезало бесследно.

Я коротко взглянул на заполненный пункт.

«Синий».

Странно, но ответ продолжал крутиться где-то на краю сознания. Не потому, что был необычным, а потому, что сам вопрос всё ещё казался бессмысленным. Я попытался представить, как бы ответил сам, если бы кто-то внезапно задал мне нечто подобное.

Какого цвета мой любимый день недели?

Никакого ответа не появилось.

Чем дольше я жил в комплексе, тем чаще замечал, что простые вопросы начинают ставить меня в тупик сильнее сложных.

— Хорошо, — произнёс я вслух, больше для продолжения процедуры, чем из необходимости.

На несколько секунд повисла тишина. Двадцать Шестой продолжал сидеть неподвижно, сохраняя ту же идеально ровную осанку. Даже сейчас, после долгого разговора, в нём не ощущалось привычной детской суетливости. Он не ёрзал, не отвлекался, не задавал встречных вопросов. Это спокойствие постепенно начинало утомлять меня сильнее любой истерики.

Я перевёл взгляд обратно на текст тестирования.

— Второй вопрос, — продолжил я. — Где ты чувствуешь себя в безопасности?

На этот раз паузы почти не было.

— В кровати. Под одеялом.

Ответ прозвучал быстро и уверенно. Возникло ощущение, что этот вопрос уже давно существовал у него в голове и он просто ждал момента, когда сможет произнести ответ вслух.

Я невольно задержал взгляд на экране.

В его голосе не было ни смущения, ни неловкости, которые обычно появляются, когда человек говорит о чём-то личном. Он произнёс это спокойно, как очевидный факт.

Я сам не заметил, как слегка кивнул, прежде чем занести ответ в систему.

Разумеется.

Для ребёнка его возраста это был, наверное, самый нормальный ответ из всех возможных. Даже слишком нормальный на фоне остальных вопросов комплекса.

Пальцы снова застучали по клавиатуре. Система приняла запись мгновенно.

Я поймал себя на мысли, что начинаю воспринимать эти разговоры как нечто обыденное. Словно нет ничего странного в том, что среди ночи я сижу глубоко под землёй и провожу психологические тесты над детьми, задавая им вопросы, смысл которых сам до конца не понимаю.

— Понятно, — произнёс я вслух. — И последний вопрос.

Я перевёл взгляд ниже по документу.

И замер.

Сначала мне показалось, что я просто устал.

Что взгляд зацепился не за ту строчку или сознание неправильно восприняло текст после нескольких часов однообразной работы. Такое уже случалось раньше. Комплекс утомлял не физически, а как-то иначе — медленно притупляя внимание и заставляя сомневаться даже в самых обычных вещах.

Я перечитал вопрос ещё раз. Потом ещё. Нет.

Ошибка отсутствовала.

Текст действительно был именно таким.

Внутри появилось неприятное ощущение, похожее на внезапный холод где-то под рёбрами. Сам вопрос не выглядел абсурдным в привычном смысле. Он не был похож на странные ассоциативные тесты или бессмысленные психологические конструкции, к которым я уже успел привыкнуть.

За всё время работы вопросы комплекса всегда подчинялись одной и той же логике: ощущения, воспоминания, эмоциональные реакции, ассоциации цветов, предметов, звуков и мест. Даже самые странные из них всё ещё оставались частью понятной схемы.

Этот вопрос не вписывался ни во что. На секунду мне захотелось просто пропустить его. Сделать вид, что система выдала ошибку. Закрыть файл и отправить отчёт без последнего пункта.

Но я уже слишком хорошо знал, как работает «Локус». Любое отклонение фиксировалось автоматически. Любая неполная запись почти сразу становилась поводом для проверки.

Я медленно поднял взгляд на экран с изображением Двадцать Шестого. Он всё так же сидел на краю кровати, спокойно глядя в сторону камеры. Несколько секунд я просто молчал, собираясь с мыслями. Затем включил микрофон.

— Они... говорят с тобой изнутри или снаружи?

Слова прозвучали тяжелее, чем должны были.

Почти сразу после того, как я их произнёс, появилось странное ощущение неправильности происходящего. Не из-за смысла вопроса даже, а из-за самого факта, что подобная фраза вообще появилась в официальном тестировании комплекса.

Двадцать Шестой не ответил.

Я почти сразу заметил изменение в его лице. Не страх. Не удивление. Скорее что-то похожее на внезапное внутреннее отдаление. Его взгляд медленно сместился в сторону, проходя мимо камеры, мимо стен комнаты, мимо всего окружающего пространства. Он смотрел куда-то дальше. В пустоту.

При этом выражение его лица оставалось спокойным, но это спокойствие перестало быть обычным. В нём появилась какая-то странная неподвижность, слишком глубокая даже для него.

У меня возникло ощущение, что в этот момент он действительно что-то слушает. Что-то, недоступное мне.

В операторской стояла тишина. Только тихо гудела вентиляция и мерцали индикаторы оборудования. Я ждал несколько секунд, не сводя взгляда с экрана.

Ответа не последовало. Двадцать Шестой даже не моргнул. На мгновение мне стало по-настоящему неуютно. Не из-за мальчика самого по себе. Из-за того, насколько естественно он выглядел в этом молчании. Я снова нажал кнопку передачи.

— Повторяю, — произнёс я чуть тише. — Они говорят с тобой изнутри или снаружи?

Собственный голос неожиданно показался чужим. Мальчик продолжал молчать.

Теперь он уже не просто смотрел в сторону. Создавалось ощущение, что его внимание полностью сосредоточено на чём-то, происходящем за пределами комнаты. На лице не дрогнул ни один мускул. Он сидел неподвижно, почти идеально неподвижно, и от этого картина на экране начинала напоминать не живое изображение, а остановленный кадр.

Тишина затягивалась.

С каждой секундой она становилась всё тяжелее. Пространство операторской словно медленно сжималось вокруг меня, наполняясь ощущением неправильности происходящего. Даже привычный шум оборудования в какой-то момент начал восприниматься слишком громким.

Я уже собирался повторить вопрос в третий раз. Палец остановился над кнопкой передачи. И в этот момент я вдруг понял, что не хочу слышать ответ.

— Ладно, — произнёс я после затянувшейся паузы, отводя взгляд к терминалу. — Я укажу, что ты затрудняешься ответить. Хорошо?

Несколько секунд Двадцать Шестой продолжал смотреть в пустоту, словно не сразу услышал мои слова или ему требовалось время, чтобы вернуться обратно в реальность комнаты. Затем он медленно кивнул.

Движение получилось странно замедленным и каким-то рассеянным, будто часть его внимания всё ещё оставалась где-то далеко за пределами происходящего разговора.

— Да...

Голос прозвучал глухо и тихо.

Прежняя собранность исчезла почти полностью. Несколько минут назад он отвечал спокойно и чётко, с той внимательной ясностью, которая казалась неестественной после двух суток без сна. Теперь же в нём появилась усталость, глубокая и вязкая, словно силы закончились не физически, а где-то намного глубже.

Он медленно лёг на кровать, подтянув ноги к себе, и отвернулся от камеры.

Несколько секунд я продолжал наблюдать за ним через монитор. Двадцать Шестой лежал неподвижно, глядя в стену перед собой, и в этот момент выглядел уже не странным объектом наблюдения, а просто уставшим ребёнком, которому давно следовало спать.

От этого становилось только неудобнее. Я отключил передатчик.

В динамиках раздался короткий сухой щелчок, после которого операторская снова погрузилась в привычную тишину. Только лёгкое гудение оборудования продолжало наполнять помещение ровным механическим шумом.

Я несколько секунд сидел неподвижно, глядя на погасший канал связи.

Да уж. Ну и вопросы.

Эта мысль появилась почти автоматически, но исчезать не спешила. Наоборот, чем дольше я смотрел на экран терминала с открытым протоколом тестирования, тем сильнее ощущал внутреннее напряжение, которое никак не удавалось объяснить рационально.

Дело было даже не в самом разговоре.

За время работы в комплексе я слышал достаточно странных ответов, видел необычное поведение детей и давно привык к тому, что «Локус» живёт по собственным правилам. Однако сегодняшний вопрос выбивался из привычной картины слишком сильно.

Комплекс всегда казался местом предельно системным.

Здесь всё объяснялось инструкциями, протоколами, допусками и отчётами. У любого действия существовала причина. У любого отклонения — код в документации. Даже человеческое поведение здесь пытались разложить на графики, показатели и статистику.

Я провёл рукой по лицу, пытаясь избавиться от неприятного ощущения, засевшего где-то глубоко внутри.

В голове снова всплыло лицо Двадцать Шестого в тот момент, когда он замолчал. Эта внезапная пустота в выражении лица. Нет, дело точно было не в обычной усталости.

Я пытался убедить себя в обратном. Пытался найти рациональное объяснение происходящему. Бессонница действительно могла вызывать странные реакции: проблемы с концентрацией, заторможенность, галлюцинации. Медицинские отчёты комплекса содержали достаточно примеров подобных состояний.

Но мысль всё равно возвращалась к одному и тому же.

К «ним».

«Они».

Создавалось ощущение, что вопрос намеренно оставили незаконченным, словно человек, задающий его, заранее предполагал: ребёнок поймёт, о ком идёт речь, без дополнительных пояснений.

И от этой мысли по спине медленно проходило неприятное напряжение.

Я попытался вспомнить, встречалось ли мне что-то подобное раньше в отчётах или разговорах персонала. Но память не находила ничего конкретного. Только смутное ощущение, что некоторые сотрудники комплекса иногда старались избегать определённых тем. Особенно когда речь заходила о детских секторах.

Возможно, я действительно просто слишком устал.

Эта мысль выглядела самой разумной.

Чем дольше человек находился в «Локусе», тем сильнее начинал замечать странности там, где раньше их не видел. Комплекс медленно менял восприятие. Тишина, изоляция, однообразие дней и постоянное ощущение скрытой недосказанности постепенно делали сознание слишком восприимчивым к деталям.

Я глубоко выдохнул и заставил себя перевести взгляд на часы в углу экрана. Смена подходила к концу.

Осознание этого принесло слабое облегчение, хотя я прекрасно понимал условность подобных ощущений. Здесь окончание смены не означало возвращения домой или настоящего

отдыха. Оно всего лишь позволяло перейти из операторской в собственную комнату несколькими уровнями выше, где меня ждали те же бетонные стены, искусственный свет и ощущение бесконечно замкнутого пространства.

Перед завершением смены оставалось выполнить последнее обязательное действие - контрольное наблюдение за жилым сектором. Формально это называлось финальной проверкой состояния объектов. По сути же процедура давно превратилась в своеобразный ритуал, который завершал каждый рабочий цикл и должен был подтвердить простую мысль: всё находится под контролем.

По крайней мере, система хотела, чтобы мы продолжали в это верить. Я вернулся к мониторам и начал последовательно переключать камеры.

Первый сектор.

Второй.

Третий.

На первый взгляд всё выглядело привычно.

Дети спали.

Кто-то лежал неподвижно под одеялом, кто-то ворочался во сне, кто-то тихо дышал, свернувшись ближе к стене. Комнаты были погружены в приглушённый ночной режим освещения, и мягкий синий свет делал помещения ещё более стерильными и безликими.

Даже Двадцать Шестой теперь спал.

Когда изображение с его камеры снова появилось на экране, я невольно задержал взгляд чуть дольше остальных. Он лежал на боку, отвернувшись к стене, и больше не выглядел напряжённым. Дыхание стало ровным и медленным, а система рядом с изображением показывала стабильные показатели сна.

После двух суток бессонницы организм всё-таки сдался.

Я отметил это автоматически, хотя внутреннее напряжение полностью не исчезло.

Продолжая переключать камеры, я постепенно начал ощущать знакомую тишину комплекса. Она была почти идеальной. Ни разговоров. Ни шагов. Ни сигналов тревоги. Только ровное гудение вентиляции и слабое мерцание экранов в операторской.

На первый взгляд всё действительно находилось под контролем.

И именно это ощущение почему-то казалось самым тревожным из всего происходящего.

Во всём жилом секторе наконец воцарилось спокойствие.

Мониторы показывали почти одинаковую картину: приглушённый ночной свет, неподвижные силуэты детей под одеялами, ровные показатели жизненных функций в углах экранов и абсолютную тишину, которая постепенно начинала восприниматься не как отсутствие звука, а как отдельное состояние самого комплекса. После нескольких часов разговоров, сигналов и бесконечного гула аппаратуры эта неподвижность должна была успокаивать.

Среди десятков одинаковых изображений особенно резко выделялась только одна камера.

Восьмая.

Я поймал себя на том, что почти сразу задержал взгляд именно на её секторе, даже не осознавая этого полностью. Остальные камеры я просматривал автоматически, фиксируя состояние детей лишь на уровне привычки. Но изображение Восьмой всегда заставляло останавливаться чуть дольше.

— Очень странная девочка... — тихо пробормотал я себе под нос.

Фраза прозвучала почти автоматически, как мысль, которая слишком долго существовала внутри и в какой-то момент начала вырываться наружу сама по себе. Я никогда раньше не формулировал это настолько прямо, хотя ощущение возникло уже давно. С самого первого дня работы Восьмая воспринималась иначе, чем остальные дети.

Создавалось впечатление, что она существует в комплексе немного иначе, чем все остальные. Даже находясь внутри той же системы, под теми же камерами и правилами, она каким-то образом сохраняла дистанцию между собой и окружающим пространством.

На экране она сидела на полу спиной к камере.

Это положение давно стало привычным. Настолько привычным, что я уже заранее ожидал увидеть именно такую картину при переключении на её сектор. И всё же каждый раз внутри появлялось то же самое неприятное ощущение напряжения, которое я никак не мог объяснить рационально.

Восьмая почти всегда выбирала места и углы комнаты так, чтобы камера не могла показать её полностью. Иногда часть лица закрывали волосы. Иногда она сидела в полутени. Иногда отворачивалась ровно настолько, чтобы объектив фиксировал только силуэт и линию плеч.

Поначалу я считал это обычной подростковой попыткой сохранить хоть какое-то личное пространство. Камеры раздражали многих детей. Некоторые закрывали объективы руками, другие пытались отворачиваться или прятаться под одеялом.

Но у Восьмой всё выглядело иначе. Скорее создавалось ощущение, что она сознательно контролирует то, насколько именно может быть увидена.

Я продолжал смотреть на экран дольше, чем требовало обычное наблюдение.

В операторской стояла тишина, нарушаемая только ровным шумом вентиляции и слабым потрескиванием старых мониторов. Свет экранов отражался на металлических поверхностях помещения холодными бледными пятнами, и в какой-то момент мне начало казаться, что всё пространство вокруг постепенно сужается до одного-единственного изображения на центральном мониторе.

Чем дольше я смотрел на Восьмую, тем сильнее становилось странное ощущение, что она не просто сидит в комнате.

Она не двигалась. Только тонкие тёмные волосы слегка касались плеч, скрывая часть лица. В камере они выглядели почти чёрными, слишком тёмными на фоне холодного освещения комнаты. Из-за этого её силуэт временами терял чёткость, сливаясь с тенями по углам помещения.

Восьмая была худой. Не болезненно, но так, как бывают худыми дети, слишком долго живущие в замкнутом пространстве без солнца и нормального воздуха. На вид ей действительно сложно было дать больше четырнадцати лет, хотя в её поведении почти не осталось ничего детского.

Тогда она производила впечатление человека, который постоянно прислушивается к чему-то недоступному остальным.

Я сам не заметил, как продолжил разглядывать экран уже не как оператор, выполняющий контрольное наблюдение, а как человек, пытающийся понять нечто, что постоянно ускользает от объяснения.

Наверное, именно поэтому следующая фраза вырвалась сама собой.

— Могла бы хоть секретом поделиться...

Голос прозвучал тихо и устало.

Это не было настоящим обращением. Скорее случайная мысль, брошенная в пустоту операторской без ожидания ответа. За месяцы одиночных смен я иногда начинал говорить вслух просто потому, что тишина комплекса становилась слишком тяжёлой.

Я даже не сразу осознал, что произнёс это. Несколько секунд ничего не происходило. Изображение на мониторе оставалось прежним. Восьмая продолжала сидеть неподвижно, отвернувшись от камеры. Я уже собирался перевести взгляд на следующий экран, когда внезапно почувствовал внутри что-то очень похожее на инстинктивное напряжение. Скорее ощущение, возникающее в тот момент, когда сознание замечает изменение раньше, чем успевает его осмыслить. Очень медленно, почти незаметно, Восьмая начала поворачивать голову.

Движение было плавным и странно осторожным, как если бы она реагировала не на звук моего голоса, а на сам факт того, что я сейчас смотрю на неё.

По спине медленно прошло неприятное ощущение холода. Я замер, не отрывая взгляда от монитора. Восьмая остановилась ровно в тот момент, когда её лицо оказалось наполовину видно в профиль. И тогда я впервые за всё время работы в комплексе почувствовал не обычную усталость, не раздражение и даже не тревогу.

Она обернулась.

Очень медленно.

Не резко, не вздрогнув от неожиданности и не реагируя так, как обычно реагируют люди, когда слышат обращение. Движение выглядело слишком плавным, слишком спокойным, почти осторожным. Восьмая поворачивала голову постепенно, сантиметр за сантиметром, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее внутри нарастало неприятное ощущение, которое я сначала даже не смог определить.

На секунду возникла совершенно иррациональная мысль, что она услышала меня.

Я сразу потянулся к панели управления и проверил состояние микрофона. Движение было почти рефлекторным, быстрым и нервным, словно сознание отчаянно пыталось найти простое объяснение происходящему раньше, чем успеет появиться что-то более тревожное.

Микрофон был отключён. Связь с её сектором не активировалась. Ни звука не могло попасть в комнату Восьмой из операторской. Я убедился в этом дважды. Этого должно было хватить, чтобы снять напряжение.

Любой нормальный человек на моём месте просто закрыл бы вопрос, списав всё на совпадение. Девочка могла пошевелиться случайно. Могла услышать какой-нибудь шум в собственной комнате. Могла просто изменить положение после долгого сидения.

Рациональных объяснений существовало достаточно. Но ощущение неправильности не исчезло. Потому что в тот момент, когда Восьмая повернула голову, её взгляд на короткое мгновение совпал с направлением камеры.

У меня возникло странное чувство, что она смотрит не в объектив, а прямо через него.

Несколько секунд я сидел неподвижно, не сводя взгляда с монитора.

Сердце почему-то начало биться чуть быстрее, хотя разум продолжал упрямо убеждать меня, что ничего особенного не произошло. Обычное совпадение. Простая реакция. Случайное движение.

Но внутри уже появилась трещина, через которую постепенно начинало просачиваться беспокойство.

Восьмая смотрела в сторону камеры всего мгновение. Потом так же спокойно отвернулась обратно. Без малейших признаков того, что вообще произошло что-то необычное.

Она снова сидела спиной к наблюдению, неподвижная и тихая, словно несколько секунд назад ничего не случилось.

А я продолжал смотреть на экран, пытаюсь понять, что именно увидел.

И впервые за всё время работы в комплексе почувствовал не профессиональный интерес, не усталое раздражение и даже не привычную тревожность, которая постепенно становилась частью повседневной жизни в «Локусе».

Это было другое чувство. Настоящая тревога всегда отличается от обычного страха. Страх обычно связан с чем-то понятным: угрозой, опасностью, конкретным событием. Тревога же появляется тогда, когда сознание чувствует неправильность происходящего раньше, чем успевает её объяснить.

Именно это я испытывал сейчас. Раньше Восьмая никогда так не реагировала на наблюдение. Никогда.

Она могла игнорировать камеры, отворачиваться, молчать или смотреть в пространство, но не было ни одного случая, когда её реакция настолько явно совпадала с моими действиями по ту сторону экрана.

Я попытался объяснить произошедшее самому себе.

Возможно, я слишком долго смотрел на её камеру и начал замечать смысл там, где его нет. После месяцев работы в замкнутом пространстве сознание неизбежно становится восприимчивым к деталям. Особенно в комплексе вроде «Локуса», где любая мелочь рано или поздно начинает казаться подозрительной.

Даже изображение на мониторе временами воспринималось иначе после долгих часов наблюдения. Статика камер, полумрак комнат, неподвижные силуэты детей, всё это постепенно начинало давить на восприятие сильнее, чем хотелось признавать.

Я слишком долго находился в этом месте.

Слишком долго жил в режиме постоянного напряжения, пытаюсь делать вид, что привык к происходящему. Комплекс постепенно стирал ощущение нормальности, но делал это настолько медленно, что изменения становились заметны только в моменты вроде этого.

Когда простое движение головы внезапно вызывает внутри холодное беспокойство.

Когда начинаешь слишком внимательно следить за детьми через камеры. Когда тишина операторской перестаёт казаться безопасной. Усталость навалилась резко.

Не обычная сонливость после долгой смены, а тяжёлое изнеможение, от которого внимание начинает рассыпаться на части. Глаза неприятно жгло от света мониторов. Виски слегка пульсировали. Мысли двигались медленнее обычного, цепляясь друг за друга с раздражающей вязкостью.

Я снова посмотрел на часы. Смена действительно подходила к концу. Осознание этого принесло почти физическое облегчение.

Не потому, что впереди ждал настоящий отдых. В «Локусе» понятие отдыха давно стало условным. Однако сама мысль о возможности выйти из операторской, перестать смотреть в мониторы и хотя бы на несколько часов отключиться от постоянного наблюдения ощущалась почти спасением.

Я медленно выдохнул и заставил себя отвести взгляд от камеры Восьмой.

Хватит.

На сегодня достаточно.

Я начал собираться, двигаясь уже почти автоматически. Пальцы привычно переключали системы в ночной режим. Часть экранов погасла, оставляя только основные каналы наблюдения. Индикаторы на панели сменили цвет с активного режима на дежурный. Операторская постепенно становилась темнее и тише.

В голове уже начала формироваться простая, почти навязчивая мысль о комнате отдыха. О возможности наконец закрыть глаза и хотя бы ненадолго перестать думать обо всём происходящем. Я представлял тишину маленькой комнаты несколькими уровнями выше, тусклый свет настенной лампы и короткие часы сна перед следующей сменой. Сейчас даже это казалось чем-то почти недостижимым и ценным.

Последний раз взглянув на мониторы, я окончательно принял простую мысль:

Смена закончилась.

Глава 2

На вторую смену я пришёл почти на двадцать минут раньше назначенного времени, и сам факт этого действия не имел для меня ни ясного объяснения, ни практической необходимости. В «Локусе» само понятие времени постепенно теряло привычную структуру: смены сливались друг с другом, дни переставали отличаться, а границы между «рано» и «поздно» становились условностью, не влияющей ни на процессы, ни на результат наблюдений. И всё же я оказался здесь до начала работы, двигаясь по коридорам комплекса ещё в том состоянии, которое можно было назвать предшествующим бодрствованию.

Коридоры встречали меня знакомым полумраком.

Ночной режим освещения всё ещё был активен, однако работал так, что его присутствие ощущалось скорее как формальность, чем как полноценный источник света. Лампы не столько освещали пространство, сколько отмечали его границы, оставляя середину коридоров в приглушённой тьме, которая не исчезала, а лишь приобретала более упорядоченную структуру. Длинные проходы уходили вперёд ровными линиями, теряясь в тусклом свечении аварийных панелей и редких световых точек, которые лишь обозначали направление, но не раскрывали глубину.

Создавалось ощущение, что комплекс существует в состоянии постоянной недосказанности, где каждый участок пространства виден ровно настолько, насколько это необходимо для выполнения функции, и ни на шаг больше.

Воздух оставался неподвижным и плотным.

В нём ощущались слабые следы озона, смешанные с холодным металлическим привкусом систем вентиляции и оборудования, работающего без остановки. Раньше я почти не обращал на это внимания, но в такие моменты, когда коридоры были особенно тихими и пустыми, это сочетание начинало восприниматься острее, почти физически, как напоминание о том, что воздух здесь является продуктом работы механизмов, а не естественной среды.

Движение отсутствовало полностью.

Ни шагов, ни голосов, ни даже случайных звуков из соседних секторов. Тишина была настолько равномерной, что начинала восприниматься не как отсутствие звука, а как отдельное состояние системы. В какой-то момент возникло странное ощущение, что весь комплекс перестал функционировать в привычном смысле этого слова и перешёл в режим полной неподвижности, где даже само понятие жизни заменено на непрерывную работу механизмов.

Именно в такие моменты возвращалась мысль, от которой было сложно избавиться.

Я не мог с уверенностью сказать, дышит ли этот комплекс вообще в каком-либо смысле.

И всегда ли он существовал в подобном состоянии, где любое проявление жизни заменено функционированием систем, или это состояние стало результатом постепенных изменений, накопленных за время его существования.

Ответа на этот вопрос у меня не было.

И с каждым днём становилось всё труднее представить, что он вообще возможен.

Наблюдательная комната встретила меня ещё более глубоким полумраком, чем коридоры.

Здесь единственными источниками света оставались мониторы, холодное свечение которых вырезало из темноты отдельные участки пространства, оставляя остальное помещение в почти полной темноте. Экранов было достаточно, чтобы различать рабочие зоны, но недостаточно, чтобы пространство воспринималось цельным.

На панели управления тускло мигали индикаторы, отображающие состояние жилого сектора, где находились дети.

Эти огоньки, выстроенные в строгую систему, напоминали не столько техническую схему, сколько слабый ритм, неустойчивый и равномерный одновременно, как если бы за ними скрывался не набор данных, а нечто живое, удерживаемое в рамках мониторинга.

Я остановился на пороге комнаты, на секунду привыкая к темноте и холодному свету экранов.

И только после этого заметил присутствие другого человека.

На моём рабочем стуле сидел техник.

Его фигура сначала воспринималась как часть оборудования, потому что в слабом освещении он почти сливался с окружением. Лишь спустя мгновение становилось ясно, что это человек, и что он, судя по всему, находится здесь уже достаточно долго.

Внешний вид сразу выдавал усталость.

Покрасневшие глаза, слегка опущенные плечи, неподвижный взгляд, направленный в документы, лежащие у него на коленях. В его состоянии чувствовалась не просто усталость после смены, а накопленное истощение, характерное для людей, которые проводят слишком много времени в закрытых секторах комплекса без полноценного отдыха.

В одной руке он держал небольшой фонарик, направляя узкий луч света на страницы документов, а другой придерживал толстую пачку бумаг, пытаясь одновременно читать и сопоставлять данные.

Документы выглядели как набор инструкций, схем и служебных записей, оставленных предыдущими сменами, и по выражению его лица было видно, что разобраться в них с первого взгляда невозможно.

Он заметил меня не сразу.

Несколько секунд продолжал читать, не поднимая головы, затем всё же слегка повернулся и коротко кивнул.

Это движение выглядело почти формальным, лишённым лишних эмоций, как единственно допустимый способ приветствия в состоянии постоянной усталости и сосредоточенности.

После этого он снова вернулся к бумагам, не меняя позы.

Однако уже через несколько секунд он заговорил, не поднимая взгляда и не отрываясь от документов.

Его голос звучал тихо, ровно и немного отстранённо, как у человека, который одновременно пытается говорить и продолжать внутренний анализ текста, больше обращаясь к самому себе, чем к собеседнику.

Он сказал, что энергосистема комплекса работает в нестабильном режиме и что текущие показатели уже выходят за пределы допустимых отклонений, после чего добавил, что при полном отключении питания мне придётся самостоятельно направиться в центральный узел и выполнить перезапуск всех основных контуров вручную, поскольку резервный генератор способен удерживать систему лишь около пятнадцати минут, и эта информация была подана не как предупреждение или просьба о готовности, а как заранее зафиксированный сценарий, который уже включён в общую логику происходящего и воспринимается скорее как неизбежное развитие событий, чем как потенциальная угроза.

После этого он наконец поднял на меня взгляд.

Смотрел он недолго, но достаточно внимательно, с выражением, в котором отсутствовало ожидание обычного ответа. Скорее это было наблюдение за реакцией, попытка зафиксировать, как именно человек воспринимает подобную информацию в условиях, когда она уже не вызывает удивления. Между нами повисло короткое молчание, лишённое какой-либо определённой окраски: в нём не было ни напряжения, ни спокойствия, ни попытки установить контакт. Оно ощущалось пустым, почти функциональным, как пауза между двумя операциями, не имеющая самостоятельного значения.

Я спросил его, почему выполнение этой задачи возлагается именно на меня.

Вопрос прозвучал так, как будто сам факт его произнесения мог изменить распределение обязанностей, вызвать пересмотр решений или хотя бы побудить его пересесть обратно за терминал и взять ответственность на себя. В голосе, возможно, прозвучала надежда на простое объяснение, которое способно снять эту неопределённость.

Однако техник лишь слегка пожал плечами.

Движение было коротким и усталым, без какого-либо желания вступать в обсуждение. В нём ощущалось отношение человека, который уже не первый раз слышит подобный вопрос и каждый раз вынужден давать один и тот же ответ, не влияющий на итог.

Он сказал, что согласно действующему протоколу технический персонал не имеет права находиться в жилом секторе в период сна субъектов, и при этом слово «субъекты» прозвучало так уверенно и окончательно, что на мгновение создавалось впечатление, будто именно эта формулировка является единственно допустимой в рамках всего комплекса.

Я поймал себя на внутреннем сопротивлении этому термину.

Он казался слишком искусственным, слишком административным, слишком отдалённым от того, что он обозначал. За этим словом легко стиралось всё, что обычно связывается с человеком: возраст, состояние, поведение, даже сама возможность воспринимать происходящее как жизнь, а не как набор наблюдаемых параметров.

Я задержался на этой мысли дольше, чем следовало.

В голове мелькнуло желание уточнить, что произойдёт, если один из детей проснётся раньше запланированного времени, и кто в таком случае будет нести ответственность за возможное нарушение протокола. Однако я не успел сформулировать вопрос полностью, потому что в этот момент освещение резко исчезло.

Переход был мгновенным.

Без предупреждающих сигналов.

Без постепенного затухания.

Просто в один момент пространство потеряло весь основной свет, и наблюдательная комната оказалась полностью погружена в темноту, которая мгновенно изменила восприятие всего вокруг.

Практически сразу сработала аварийная система.

Красный резервный свет вспыхнул резко и равномерно, заливая помещение тревожным оттенком, в котором привычные формы оборудования и мебели приобрели искажённую, более тяжёлую визуальную структуру. Мониторы частично погасли, оставив лишь фрагменты интерфейса, а часть экранов переключилась в аварийный режим с минимальной информацией.

Под полом активировался резервный генератор.

Его работа ощущалась не столько слухом, сколько всем пространством помещения: медленный, тяжёлый ритм вибрации поднимался снизу, распределяясь по стенам и металлическим конструкциям, создавая ощущение устойчивого, но напряжённого функционирования. Этот ритм не был равномерным в привычном смысле — он скорее напоминал стабильное, но утомлённое усилие системы, удерживающей себя в рабочем состоянии.

Техник повернулся ко мне.

Его лицо в красном свете выглядело ещё более усталым, но голос остался таким же ровным, как и прежде. Он сказал, что мне следует немедленно направляться в коридор и не задерживаться, после чего добавил, что ситуация находится под контролем резервного контура и паниковать нет необходимости.

Затем он протянул мне второй фонарик.

Я взял его, ощущая под пальцами холодную поверхность пластика и металла, слегка шершавую от следов использования и времени. Короткое мгновение задержал его в руке, после чего включил и направил луч света в сторону двери.

Коридор за пределами комнаты уже полностью погрузился во тьму, в которой исчезли привычные ориентиры, и пространство комплекса перестало восприниматься как знакомая структура, превращаясь в длинный, разорванный темнотой проход, ведущий дальше без видимых границ.

Я шёл не спеша, и это замедление не было следствием усталости или сомнений, потому что внутри уже сформировалось состояние, которое трудно было назвать уверенностью, но которое определённо напоминало внутреннее предупреждение, не оформленное в слова, однако достаточно устойчивое, чтобы влиять на движение. Коридор в этот момент воспринимался иначе, чем обычно: тёмные участки пространства казались более плотными, чем должны были быть, а узкий луч фонарика не столько освещал путь, сколько подчёркивал границу между видимым и тем, что оставалось вне восприятия.

Свет фонарика вытягивался вперёд длинной холодной полосой, не дающей ощущения безопасности и не изменяющей характера окружающего пространства. Он лишь разделял тьму на наблюдаемую и ненаблюдаемую части, оставляя за пределами этого узкого коридора света ту же самую непроницаемую темноту, в которой не удавалось различить ни глубину, ни форму, ни расстояние. Чем дальше я двигался, тем сильнее становилось ощущение, что сам коридор не является нейтральным пространством, а сохраняет пассивное сопротивление движению.

Когда я добрался до входа в жилой сектор, я остановился.

Передо мной находилась массивная металлическая дверь, предназначенная для автоматического доступа через систему идентификации. В обычных условиях достаточно было простого прикладывания пропуска к боковому терминалу, после чего механизм открывался без усилий, подтверждая привычный порядок работы комплекса. Однако сейчас никакого питания не было, и система доступа оставалась полностью неактивной, превращая автоматическую конструкцию в неподвижный объект, лишённый своей основной функции.

Эта перемена была ощутимой.

Не в техническом смысле, а в том, как она меняла само восприятие пространства. Дверь, которая обычно воспринималась как элемент системы, теперь стала просто физической преградой, обладающей весом, плотностью и сопротивлением, которое нужно было преодолеть вручную.

Я некоторое время просто смотрел на неё, не предпринимая действий.

В этом взгляде было больше задержки, чем решения. Осознание того, что придётся открывать дверь самостоятельно, воспринималось как нарушение привычной логики комплекса, где всё функционировало автоматически, без необходимости физического вмешательства. Здесь любое действие человека казалось избыточным, почти чужеродным по отношению к общей структуре.

Но выбора не было. Я опустил взгляд и достал ключ из подсумка на ремне.

Металлический, холодный, предназначенный исключительно для подобных редких ситуаций, которые в документации обычно обозначались как практически невозможные. Сам факт его наличия подразумевал, что система допускает сбои, но не рассматривает их как нормальное состояние.

Я вставил ключ в замок. Повернул его три раза против часовой стрелки.

Каждое движение сопровождалось глухим, плотным сопротивлением механизма, который явно не был рассчитан на регулярное ручное использование. Звук вращения отдавался в металле двери короткими, приглушёнными щелчками, после чего я упёрся в поверхность ладонями и плечом.

Давление потребовало больше усилий, чем я ожидал.

Сразу стало ясно, что конструкция рассчитана не на человека, а на систему, в которой подобные действия никогда не предусмотрены. Дверь не поддавалась равномерно, реагируя на

нагрузку с запозданием, и лишь спустя несколько секунд медленного усилия начала смещаться, создавая узкий зазор.

Этого оказалось достаточно.

Я протиснулся внутрь, ощущая, как холод металла и плотность конструкции остаются позади.

Закрывать дверь за собой я не стал.

Само действие показалось лишним, почти неуместным в текущих условиях. Возвращение механизма в исходное положение требовало бы дополнительных усилий и не давало никакого функционального результата, кроме восстановления привычного состояния, которое сейчас уже не имело значения.

Я продолжил движение по коридору жилого сектора.

Здесь всё выглядело иначе, хотя формально структура оставалась прежней. Ряд дверей детских комнат тянулся вдоль стен, каждая из них была такой же массивной, такой же обесчелоченной и неподвижной, как входная. Теперь стало очевидно, что ни один ребёнок не смог бы сдвинуть ни одну из них вручную, даже при полном отсутствии питания системы и полном осознании ситуации.

Это понимание добавляло пространству дополнительную тяжесть.

По мере продвижения вглубь сектора я начал замечать деталь, которая сразу выбивалась из общей картины.

Одна из дверей была открыта настежь.

Это несоответствие моментально нарушило внутреннюю логику пространства. Всё остальное находилось в состоянии полной закрытости и неподвижности, где каждая дверь, каждая линия коридора и каждая тень соответствовали общему состоянию отключённой системы. Открытый проход не вписывался в этот порядок и воспринимался не как обычное отклонение, а как прямое нарушение структуры.

В этот момент в сознании одновременно возникло несколько мыслей, которые не успевали оформиться в последовательные выводы.

Они появлялись фрагментами, пересекались и распадалась, не складываясь в цельную логическую цепь, потому что само наблюдение было слишком резким и выбивающимся из ожидаемой нормы.

Я продолжил смотреть на открытую дверь, не приближаясь сразу, и впервые за всё время движения по жилому сектору ощущение тишины перестало быть фоном и начало восприниматься как активное состояние пространства.

Я подошёл ближе к открытой двери и остановился на пороге, не сразу решаясь войти внутрь. Несколько секунд я просто смотрел в полумрак комнаты, где отсутствовал привычный порядок замкнутого пространства, и только после этого сделал шаг вперёд, заглянув внутрь полностью.

И в тот же момент пришло понимание.

Комната принадлежала Восьмой.

Я не мог сразу объяснить себе, откуда именно возникла эта уверенность. На дверях не было ничего, что однозначно указывало бы на её принадлежность, никаких дополнительных маркеров или отличий, которые могли бы подтвердить это рационально. Однако ощущение узнавания появилось мгновенно, без промежуточных размышлений, как факт, который уже существовал в сознании до момента наблюдения.

Это чувство оказалось неприятным.

Из-за того, что оно не опиралось на логику или визуальные признаки. Оно возникало где-то глубже, на уровне памяти, которую я не мог точно идентифицировать, или реакции, которая должна была оставаться вне сознательного восприятия. Возникало ощущение, что тело распознаёт пространство быстрее, чем разум успевает его обработать.

Я задержался на этом ощущении дольше, чем следовало, после чего медленно продолжил движение по коридору жилого сектора.

Шаги я старался ставить максимально осторожно, контролируя не только громкость, но и сам ритм движения. Даже слабый звук в этом пространстве начинал восприниматься иначе, чем обычно. Тишина не была пустой, она была плотной и равномерной, и любое отклонение от неё казалось значимым, почти нарушающим структуру окружающей среды.

Я двигался вперёд, не ускоряясь, стараясь сохранять ровное дыхание и избегать резких движений.

В голове всё ещё оставалось ощущение неопределённости. Я не мог понять, насколько мои действия сейчас продиктованы профессиональной необходимостью, а насколько они обусловлены чем-то менее ясным, интуитивным или даже чуждым по своей природе. Эта мысль не имела чёткого выражения, но постоянно присутствовала на фоне восприятия, не позволяя полностью сосредоточиться на маршруте.

И именно в этот момент, на очередном повороте коридора, я увидел мальчика.

Он стоял прямо передо мной, неподвижно, босиком на холодном металлическом полу, который отражал слабый аварийный свет с оттенком серого и красного. На нём была тонкая больничная рубашка, явно не рассчитанная на температуру и условия комплекса, и из-за этого его фигура казалась особенно хрупкой на фоне строгой металлической геометрии окружающего пространства.

Он выглядел так, будто не принадлежал этому месту.

И всё же находился в нём полностью.

На запястье у него был пластиковый браслет с номером 15.

Белая полоска с чёткой чёрной маркировкой, стандартная для системы идентификации, сразу фиксировала его положение внутри структуры комплекса. Этот элемент не оставлял сомнений: передо мной находился не просто ребёнок, а объект наблюдения, включённый в систему контроля и учёта.

Я остановился.

Несколько секунд я просто смотрел на него, не произнося ни слова, пока внутри постепенно нарастало напряжение, связанное с самим фактом его присутствия в этом месте. Согласно протоколам доступа и правилам безопасности, он не должен был находиться здесь в одиночку, а тем более в коридоре вне своей комнаты.

Я сделал шаг вперёд и произнёс, стараясь удерживать голос в ровном и контролируемом состоянии:

— Ты должен находиться в своей комнате.

Фраза прозвучала спокойно, но усилие, необходимое для её произнесения, было ощутимым. Внутреннее напряжение уже начинало влиять на дыхание и концентрацию, потому что ситуация не укладывалась в стандартные сценарии, с которыми я привык работать.

Мальчик медленно повернул голову и посмотрел на меня.

И в этот момент стало ясно, что его взгляд отличается от обычного человеческого восприятия.

В нём отсутствовали привычные признаки реакции: эмоции, узнавание, настороженность или страх. Не было ни попытки оценить ситуацию, ни даже простого детского интереса. Вместо этого присутствовала пустота, не воспринимаемая как временное состояние или следствие усталости, а как устойчивое и постоянное качество восприятия.

Он смотрел прямо, но при этом создавалось ощущение отсутствия внутреннего отклика на происходящее.

Затем он произнёс:

— Им сказали, что можно.

Голос звучал ровно, слишком ровно для подобной ситуации.

В нём не было ни сомнений, ни уточнений, ни попытки объяснить происходящее с собственной точки зрения. Он произносил слова так, как произносят заранее заученную формулировку, не принадлежащую ему лично, а переданную извне без изменений.

Это усилило внутреннее напряжение.

Я сделал шаг ближе и спросил, стараясь говорить чётко, несмотря на появившийся в горле плотный ком:

— Кто именно «они»?

Произнести это оказалось сложнее, чем предыдущие фразы. Слова застревали на уровне дыхания, требуя дополнительного усилия для выхода. В этот момент мальчик внезапно улыбнулся.

Эта улыбка не несла в себе ни тепла, ни привычного детского выражения эмоций. Она выглядела механической по своей форме и чужой по содержанию, не связанной с ситуацией и не объясняемой никакими естественными причинами.

После этого он резко сорвался с места и побежал вперёд по коридору. Его движения были почти бесшумными.

И это противоречило самой логике пространства. В металлических коридорах комплекса любой бег, любой резкий шаг должен был усиливать звук, отражаться от стен и заполнять пространство. Однако его шаги не создавали привычного акустического следа, и создавалось впечатление, что звук не исчезает, а просто не возникает.

Я начал двигаться за ним. Сначала потому, что не видел другого направления действия. Затем потому, что понимал: если я сейчас остановлюсь или потеряю его из виду, последствия этого могут выйти далеко за пределы обычного нарушения режима.

Коридоры тянулись слишком долго, и с каждым шагом это ощущение становилось всё менее поддающимся привычному восприятию. Пространство переставало ощущаться как фиксированная структура с понятными границами и расстояниями, и начинало восприниматься как непрерывный поток одинаковых участков, в котором терялась сама идея направления. Луч фонаря скользил по стенам ровно и методично, выхватывая из темноты отдельные фрагменты поверхности, на которых проступали старые царапины, длинные, неровные, расположенные на уровне детских плеч, как следы постоянного контакта с замкнутым пространством.

Эти отметины не выглядели единообразно.

Часть из них казалась выцветшей и почти стёртой временем, тогда как другие выглядели неожиданно чёткими и свежими, как если бы были оставлены совсем недавно. Это несоответствие не укладывалось в логическую картину, потому что все поверхности здесь должны были обновляться и контролироваться системой, однако следы оставались, и их присутствие постепенно начинало восприниматься как нарушение внутреннего порядка комплекса.

Иногда возникало ощущение, что расположение этих царапин изменяется в момент моргания.

Не резко и не очевидно, а на уровне едва уловимого смещения деталей, которое невозможно было зафиксировать однозначно, но которое заставляло снова и снова возвращаться взглядом к уже пройденным участкам стены. Постепенно это ощущение становилось навязчивым, и вместе с ним появлялось сомнение в стабильности самого пространства, как если бы оно не сохраняло постоянную форму, а существовало в состоянии медленной, почти незаметной перестройки.

Где-то в глубине комплекса раздался звук.

Он не был громким и не привлекал внимания резко, но его характер сразу выделялся на фоне тишины коридоров. В нём угадывались элементы мелодии, напоминающей колыбельную, однако сама структура звука была искажена. Создавалось впечатление, что исходный сигнал прошёл через неисправное оборудование, потерял чистоту и целостность, оставив после себя только фрагменты ритма, лишённые первоначального содержания.

Этот ритм звучал неправильно.

Он не успокаивал и не создавал ощущения знакомого мотива, а наоборот усиливал внутреннее напряжение, потому что воспринимался как сигнал, утративший свою функцию, но продолжающий воспроизводиться по инерции системы.

И именно в этот момент обстановка изменилась по восприятию, хотя внешне ничего не произошло.

Мальчик исчез за дверью, на которой была размещена надпись, обозначающая ограниченный доступ: сектор К 07, лаборатория, вход запрещён.

Эта формулировка, ранее воспринимавшаяся как стандартное предупреждение системы безопасности, теперь звучала иначе. Она перестала быть инструкцией и превратилась в простую фиксацию факта, который уже нельзя было отменить. Возникло ощущение, что сам момент пересечения границы уже произошёл, и теперь правила, определявшие допустимое поведение, больше не имеют прежнего значения.

Дверь оставалась открытой.

И именно это нарушало привычную логику комплекса.

Здесь почти всё было построено на контроле доступа, где каждая дверь, каждый механизм и каждый проход регулировались системой, не допускающей случайностей. Открытая дверь в такой среде воспринималась не как мелкая неисправность, а как явное отклонение от установленного порядка.

Внутри лаборатории горел ровный белый свет.

Он не соответствовал текущему состоянию комплекса, в котором энергосистема уже была отключена и функционировала только в аварийном режиме. Свет был стабильным, равномерным и слишком чистым для ситуации, в которой всё остальное должно было находиться в состоянии частичного отключения.

Я вошёл внутрь.

Остановка на пороге в этот момент казалась бессмысленной, потому что неопределённость только усиливалась при бездействии. Пространство внутри требовало либо наблюдения, либо отступления, и я выбрал движение вперёд, поскольку отсутствие информации становилось более напряжённым, чем потенциальная угроза.

Первое, что резко изменило восприятие, это масштаб помещения.

Снаружи лаборатория казалась стандартным техническим сектором, ограниченным размерами коридора и дверного проёма. Однако внутри пространство оказалось значительно больше, чем можно было предположить. Оно уходило вглубь рядами оборудования, разделёнными длинными проходами, которые терялись в полумраке под равномерным светом потолочных ламп.

Геометрия помещения была слишком организованной.

Каждая линия, каждая секция и каждый блок оборудования располагались с точной повторяемостью, создавая ощущение системы, рассчитанной на длительное функционирование без вмешательства человека.

Но основное внимание сразу притягивали капсулы.

Они стояли ровными рядами, одинаковые по форме и структуре, прозрачные и холодные на вид. Их поверхность отражала свет без искажений, создавая ощущение полной стерильности и контроля. Конструкция была выполнена так, чтобы содержимое внутри можно было рассмотреть без препятствий, однако при этом взгляд всё равно не мог сразу зафиксироваться на деталях, как если бы само восприятие отказывалось концентрироваться на содержимом.

Именно внутри этих капсул находилось то, что я сначала пытался не рассматривать.

Но избежать этого не удавалось.

Потому что очень быстро становилось очевидно, что речь идёт не о предметах и не о стандартных образцах для наблюдений. Это не укладывалось в привычные категории лабора-

торной работы и выходило за рамки того, что обычно можно было назвать результатом эксперимента.

Это было нечто промежуточное.

Между жизнью и её отсутствием.

Между началом и состоянием, которое ещё нельзя назвать полноценным существованием.

И чем дольше я смотрел на ряды капсул, тем сильнее становилось ощущение, что лаборатория не просто хранит данные или материалы наблюдений, а фиксирует сам процесс перехода, удерживая его в состоянии, которое не завершено и не определено до конца.

Я постарался не задерживать взгляд на капсулах дольше необходимого, сознательно удерживая внимание на цели своего нахождения в лаборатории, поскольку первичной задачей оставался поиск мальчика, который должен был находиться внутри этого помещения согласно всем зафиксированным данным. И я заметил его почти сразу, не потому что он выделялся движением или звуком, а потому что его положение нарушало саму логику пространства: он сидел прямо на полу в центральной части лаборатории, один, в тонкой больничной одежде, совершенно не соответствующей холодной и стерильной среде вокруг, и эта несоразмерность сразу фиксировалась восприятием как ошибка.

Его взгляд был направлен вперёд, в пустое пространство перед собой, и в этом направлении отсутствовала какая-либо точка фокуса, которую можно было бы определить как реальный объект. Однако создавалось впечатление, что он воспринимает нечто иное, недоступное прямому наблюдению, и это восприятие для него имело большую значимость, чем вся лаборатория вместе взятая.

Он начал говорить тихо. Голос был ровным, лишённым детской интонации и эмоциональной окраски, и в нём отсутствовала привычная адресация. Он не обращался ни ко мне, ни к пространству лаборатории, ни к конкретному объекту внутри неё. Его речь звучала так, как если бы она была направлена за пределы наблюдаемого мира, в область, которую невозможно зафиксировать через камеры или системы контроля.

Я услышал фразу о том, что ему сказали молчать, и что они не хотят, чтобы он был таким, как другой.

В этот момент я сделал шаг назад.

Потому что само ощущение в помещении изменилось, хотя внешне не произошло ничего, что могло бы это объяснить. Лаборатория оставалась прежней: те же ряды капсул, тот же равномерный свет, те же металлические конструкции и прозрачные поверхности. Однако восприятие пространства стало иным, и это изменение не имело внешней причины, которую можно было бы зафиксировать рационально.

Холодный пот на лбу усилился.

И это не было реакцией на страх в прямом смысле. Скорее это было следствием нарастающего внутреннего напряжения, которое не находило логического объяснения и не укладывалось в привычные схемы анализа. Организм реагировал быстрее, чем сознание успевало сформировать интерпретацию происходящего.

В этот момент свет моргнул.

Краткий, почти незаметный сбой системы освещения.

Но именно в этот промежуток восприятие изменилось наиболее резко. Отражения на стеклянных поверхностях капсул сместились, и в этих отражениях я увидел то, чего не наблюдал в прямом обзоре. Между рядами капсул находилось нечто, слишком высокое и слишком вытянутое, чтобы соответствовать человеческой форме.

Оно не двигалось.

Но само его присутствие воспринималось как нарушение структуры пространства. Вокруг него возникало ощущение искажения, не физического, а пространственного, как если

бы геометрия помещения переставала сохранять привычную целостность в непосредственной близости от этого объекта.

Я резко обернулся в ту сторону, где в отражении фиксировалась фигура.

Однако между рядами капсул оставалось только пустое пространство, заполненное ровными линиями стекла и металла под стабильным белым светом. Никаких признаков присутствия чего-либо дополнительного там не было.

И в тот же момент, когда я снова перевёл взгляд вперёд, мальчик уже стоял прямо передо мной.

Настолько близко, что момент его перемещения оказался полностью пропущенным восприятием. Не было ни шага, ни звука, ни промежуточного движения, которое позволило бы зафиксировать изменение его позиции. Он просто оказался рядом, нарушив привычную логику расстояния.

Он смотрел прямо в глаза.

И в этом взгляде отсутствовала любая детская составляющая, любая привычная эмоциональная реакция. Не было страха, не было любопытства, не было узнавания. Вместо этого присутствовала холодная, ровная пустота, которая не должна была существовать в человеческом лице и не соответствовала никакому известному состоянию сознания.

Он произнёс, что они не хотят, чтобы я пел как раньше.

В этот момент фонарь в моей руке погас.

Свет исчез мгновенно, без постепенного угасания, и лаборатория погрузилась в полную темноту, которая не воспринималась как простое отсутствие освещения. Это состояние ощущалось как изменение самого пространства, в котором терялись ориентиры, расстояния и возможность оценивать положение объектов.

Тишина наступила сразу.

Но она не была устойчивой.

Спустя несколько секунд её нарушил голос девочки.

Он прозвучал в темноте без видимого источника, без направления и без отражения от поверхностей. Голос был тихим и одновременно знакомым, но я не мог определить, откуда именно он мне известен. Память не находила точки соприкосновения, хотя ощущение узнавания присутствовало.

Она сказала, что я ушёл слишком далеко и что мне нужно возвращаться, иначе меня тоже положат в колыбель.

После этих слов генератор, расположенный где-то под полом, начал работать с нарушением ритма.

Его звук стал неровным, с периодическими сбоями, как если бы система теряла стабильность и пыталась компенсировать сбой, удерживая работу за счёт усилия, выходящего за пределы нормального функционирования.

В глубине лаборатории, в полной темноте, начал звучать тихий напев.

Мелодия была слишком ровной и слишком выверенной.

В ней отсутствовали естественные колебания, характерные для человеческого голоса. Она звучала как воспроизведение заранее заданной структуры, лишённой живого исполнения, как если бы её пыталась имитировать система, предназначенная для создания человеческой интонации, но не обладающая самим источником.

И в этот момент я проснулся.

Я резко вдохнул воздух, и этот вдох оказался слишком глубоким, почти болезненным, потому что тело отреагировало раньше, чем сознание успело вернуть себе контроль над происходящим. Мышцы грудной клетки напряглись, дыхание сбилось, и сердце начало биться так сильно и гулко, что на мгновение возникло ощущение его физического давления изнутри, как если бы оно действительно стремилось выйти за пределы привычного ритма и границ тела.

Только после этого, через несколько секунд, когда пульс начал постепенно выравниваться, я смог осознать, что нахожусь в своей комнате отдыха.

Знакомые стены, тусклый ночной свет, неподвижность пространства и отсутствие любых внешних сигналов возвращали меня в реальность медленно и неохотно. Я лежал один, и тишина вокруг казалась не просто привычной, а слишком выверенной, почти чрезмерно правильной после того, что только что происходило в сознании. Эта нормальность воспринималась с лёгким внутренним смещением, как если бы она была искусственно восстановлена после нарушения, о котором я не до конца помнил детали.

Я повернул голову и посмотрел на часы.

Цифры на дисплее показывали 03:17.

Несколько секунд я просто смотрел на этот показатель, пытаясь зацепиться за него как за единственный стабильный элемент реальности, который способен объяснить происходящее. Затем в сознании почти автоматически начала формироваться попытка рационализации.

Я попытался убедить себя, что увиденное было сном.

Эта мысль опиралась сразу на несколько привычных оснований: на логическую невозможность подобных событий в пределах комплекса, на устойчивость системы контроля, которая не допускает таких отклонений, и на отсутствие реальных признаков вмешательства технического персонала, который в нормальных условиях не должен был пересекаться с жилыми секторами в таком виде. Всё это складывалось в удобное объяснение, которое позволяло вернуть ощущение стабильности.

Однако даже при наличии этих аргументов внутреннее состояние не выравнивалось полностью.

Ощущение сна не исчезало сразу, как это обычно бывает после пробуждения, а продолжало оставаться в фоне, как остаточное давление пережитого. Воспоминания о лаборатории, коридорах и голосах не распадались окончательно, а сохраняли странную целостность, которая не всегда характерна для обычных сновидений.

Всё это начинало выглядеть как результат переутомления.

Как случайная переработка восприятия уставшим сознанием, которое в условиях длительного однообразия и изоляции начинает формировать собственные образы, заполняя пустоту внутреннего пространства фрагментами, не связанными с реальной системой событий.

Я перевернулся на бок, стараясь вернуть телу привычное положение отдыха.

Смена ещё не должна была начаться, и это давало возможность позволить себе ещё несколько часов сна, не нарушая расписание. Эта мысль была простой и функциональной, почти автоматической, как часть внутреннего регламента, к которому я давно привык.

Но даже когда я закрыл глаза, ощущение сна уже не отпускало так легко, как обычно.

Оно оставалось на границе сознания, не переходя полностью в спокойствие и не исчезая окончательно, как если бы граница между сном и бодрствованием в этот раз оказалась менее чёткой, чем прежде.

Глава 3

После ночного кошмара я всё же смог снова уснуть, и само это обстоятельство показалось мне неожиданным, почти противоречащим предыдущему состоянию. Обычно после подобных снов сознание остаётся в напряжении гораздо дольше, не позволяя быстро вернуться в состояние полноценного отдыха, однако в этот раз усталость оказалась сильнее остаточного тревожного фона, и организм взял своё без длительного сопротивления.

Я проспал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не нарушить рабочий график и не опоздать на смену, и проснулся в момент, который по внутреннему ощущению был не отдыхом, а скорее временной паузой между состояниями бодрствования. В самом сне не осталось ничего, что можно было бы назвать восстановлением: ни ясности, ни ощущения восстановления сил, ни привычной лёгкости после отдыха. Вместо этого сохранялось впечатление, что сознание просто было отключено на фиксированный промежуток времени без какого-либо качественного эффекта.

Я пришёл на смену вовремя, без задержек и отклонений от привычного маршрута, двигаясь почти автоматически, не фиксируя внимание на деталях окружающего пространства. Первым, что встретило меня в наблюдательной комнате, стал резкий пиликающий сигнал, раздавшийся из наушников сразу после входа в систему.

Звук прозвучал неожиданно громко и неуместно на фоне общей тишины, которая в этот момент казалась особенно плотной и статичной. Он выбивался из привычного акустического фона настолько резко, что восприятие не успело сразу адаптироваться, и на несколько секунд возникло ощущение рассинхронизации между действием и реакцией.

Я даже не сразу снял гарнитуру, потому что сознание ещё не полностью переключилось в рабочий режим после сна, и тело реагировало с небольшим запозданием, характерным для переходного состояния между отдыхом и активной деятельностью.

На панели управления красный индикатор мигал с нарушенной периодичностью.

Ритм был неровным, с паузами, которые не соответствовали стандартным параметрам работы системы и не укладывались ни в один из известных режимов оповещения. Вместо привычного стабильного сигнала наблюдалось неравномерное, сбивчивое мигание, которое воспринималось не как техническое уведомление, а как нарушение внутренней устойчивости системы.

Возникало ощущение, что это не просто сигнал оборудования, а нечто, напоминающее биологический ритм, утративший равномерность.

Я смотрел на этот индикатор дольше, чем следовало, прежде чем решился нажать кнопку приёма сигнала.

В момент активации связи в наушниках раздался короткий электронный тон.

Он был сухим, механическим, лишённым какой-либо информационной нагрузки и больше напоминал стандартный системный щелчок, после которого обычно следует сообщение или возвращается рабочая тишина интерфейса.

Однако в этот раз вместо ожидаемого голосового или текстового уведомления на экране появилось системное сообщение.

Оформление соответствовало стандартному интерфейсу комплекса, с привычной структурой и техническим стилем подачи, но содержание резко выбивалось из привычной логики операций.

На экране было указано, что функционирование объекта прекращено.

Ни имени.

Ни уточнения обстоятельств.

Ни пояснения причин, которые могли бы перевести это сообщение в категорию понятных административных уведомлений.

Даже формулировки, способной обозначить завершение существования в человеческом смысле, не было.

Я не сразу осознал, что перестал нормально дышать.

Воздух перестал восприниматься как непрерывный поток, проходящий через грудную клетку, и на несколько секунд возникло ощущение внутреннего давления, при котором дыхание становится фрагментированным и неустойчивым, как если бы процесс вдоха и выдоха утратил автоматичность.

Всё внимание сузилось до одной строки на экране.

Под ней был указан номер.

15

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Я почувствовал, как ногти впиваются в кожу ладоней, фиксируя напряжение в мышцах, однако физическая боль при этом практически отсутствовала, и именно это отсутствие ощущений оказалось наиболее тревожным.

Потому что тело реагировало, а сознание не получало привычного подтверждения этой реакции.

Возникало состояние, в котором происходящее одновременно воспринималось как реальное и как лишённое физической опоры, и эта двойственность усиливала внутреннее напряжение, не позволяя быстро зафиксировать происходящее в привычных категориях.

Пол подо мной начал восприниматься иначе, и это изменение не было резким, скорее оно возникло постепенно, на уровне ощущения, которое трудно сразу зафиксировать вниманием. Пространство под ногами утратило привычную твёрдость и приобрело странную, почти неестественную податливость, как если бы материал пола перестал быть окончательной опорой и начал реагировать на вес тела с задержкой. Возникло ощущение, что поверхность медленно проседает вниз под моим давлением, не физически подтверждённым, а воспринимаемым исключительно через внутренние сигналы равновесия.

Это чувство оказалось настолько отчётливым, что тело отреагировало раньше, чем сознание успело сформировать объяснение. Я инстинктивно напрягся и попытался удержать равновесие, хотя никакого реального движения пола или изменения положения не происходило. Рациональная часть восприятия фиксировала стабильность поверхности, однако сенсорное ощущение продолжало настаивать на обратном, создавая внутренний конфликт между тем, что я видел, и тем, что чувствовал.

В этот момент взгляд зафиксировал экран системы.

Время на нём оставалось неизменным и чётким.

03:17.

Я опустил на край стола, потому что ноги перестали удерживать устойчивое положение. Движение произошло почти автоматически, без осознанного решения, как стандартная реакция организма на перегрузку или резкое внутреннее напряжение, которое превышает привычный порог устойчивости. Руки сами нашли опору, не требуя дополнительного контроля со стороны сознания.

03:17.

Эта цифра уже была знакомой.

Слишком знакомой для того, чтобы воспринимать её нейтрально.

И именно в этот момент внутри начала формироваться мысль, которую сначала хотелось оттолкнуть как случайную или ошибочную, но она не исчезала и продолжала удерживаться на границе внимания, постепенно приобретая устойчивость. Потому что это время уже присутствовало в моей памяти в другом контексте.

Именно в 03:17 я проснулся после ночного кошмара.

Постепенно возник вопрос, который невозможно было проигнорировать или отложить.

Проснулся ли я тогда на самом деле.

Или пробуждение было частью того же непрерывного состояния, которое продолжается сейчас.

Я попытался восстановить в памяти детали сна, чтобы найти в них хотя бы минимальное объяснение происходящего или признаки, которые могли бы служить предупреждением. Однако воспоминания не складывались в цельную структуру. Они оставались фрагментарными, разорванными, лишёнными устойчивой последовательности, как если бы часть информации была намеренно удалена или не успела зафиксироваться.

Единственное, что сохраняло чёткость, это лицо мальчика.

И его глаза.

Пустые, стеклянные, лишённые выражения и признаков внутренней реакции. В них не было ни страха, ни понимания, ни присутствия привычной эмоциональной структуры, которая обычно сопровождает взгляд живого человека.

И в этот момент появилась мысль, которая вызвала внутренний холод, не связанный с температурой помещения или физическим состоянием тела.

Я вспомнил, как в том сне обращался к нему не по имени, а по номеру.

Как говорил ему держаться, не придавая этим словам никакого человеческого содержания, произнося их как часть формальной инструкции, не предполагающей эмоциональной вовлечённости.

И теперь это воспоминание приобрело другое значение.

Возникало ощущение, что он не спал не потому, что не мог уснуть.

А потому что знал.

Эта мысль не имела рационального подтверждения, однако удерживалась внутри сознания с настойчивостью, которую было трудно игнорировать.

Я представил его стоящим в коридоре босиком, на холодном металлическом полу, в тонкой одежде, не соответствующей условиям пространства, и эта картина вызвала резкую физиологическую реакцию.

Волна тошноты поднялась изнутри внезапно и неконтролируемо, не имея плавного перехода или постепенного усиления.

Горло сжалось, и дыхание на короткое время стало затруднённым, как если бы внутренние мышцы реагировали на стресс не через осознание, а через автоматическую блокировку нормального ритма дыхания. Возникло ощущение, что сам процесс вдоха и выдоха требует дополнительного усилия, не предусмотренного естественным состоянием организма.

Экран продолжал оставаться активным, холодно подсвечивая пространство передо мной, однако система больше не требовала никакой реакции с моей стороны. Интерфейс фиксировал завершённое событие, и это отсутствие дальнейших запросов воспринималось не как облегчение, а как окончательное подтверждение уже принятого решения. Сам факт завершённости был тяжёлым и необратимым, и в нём не оставалось пространства ни для уточнений, ни для пересмотра, ни для привычной технической интерпретации.

Время смерти было указано как 03:17.

Эта строка закрепилась в сознании особенно отчётливо, не позволяя ей раствориться среди остальных данных. Она не воспринималась как обычная запись в системе отчётов, поскольку несла в себе слишком прямое и однозначное значение, лишённое привычной дистанции. В ней отсутствовала формальная нейтральность, к которой я привык в подобных интерфейсах, и именно это делало её восприятие особенно тяжёлым.

Я продолжал сидеть, удерживая внимание на экране и одновременно пытаясь восстановить в памяти хотя бы отдельные элементы сна, которые могли бы дать объяснение происхо-

дющему. Однако память не предоставляла цельных фрагментов. Она возвращала только разрозненные образы, лишённые связной структуры и логической последовательности, которые невозможно было собрать в единый эпизод.

Среди этих фрагментов снова и снова возникало одно и то же изображение — пустые, стеклянные глаза мальчика, в которых отсутствовали любые признаки живого восприятия.

В какой-то момент появилась мысль, которая не укладывалась в привычную систему интерпретаций, но продолжала удерживаться в сознании с настойчивостью, которую сложно было игнорировать. Если это действительно был сон, то его содержание могло быть не просто результатом усталости или перегрузки, а чем-то, что по своей природе приближалось к предупреждению, смысл которого не был мной распознан вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.